

Культур. - 1993 - 3 апр. - с. 2.

РЯЖЕННЫЕ

Этого почтенного, представительного господина я часто встречаю в последние годы в так называемых домах творческой интеллигенции. В писательском клубе, в актерском, в подвальчике, где собираются журналисты.

Помню, как бесхитростно гордился он своим, не то чтобы ответственным, но, так скажем, прочным и даже завидным советским положением. Потом, съездив по случаю открытия границ за океан, с юношеской непосредственностью усвоил все признаки наивного рекламного американизма. Стал носить пестрые бейсбольные курточки с надписью «Чикагские быки» и широкополый «стетсон», как у ковбоя с рекламы сигарет «Мальборо». Во времена предыдущих политических противостояний, мощных демократических шествий, мой знакомый шагал в первых рядах демонстрантов, просто-напросто пересказывал тезисы знаменитых публицистов, искренне негодовал по тому поводу, что Москва не имеет своего выборного начальника милиции — имела место такая, ныне забытая конфронтация.

А с недавних пор во внешности моего знакомого и в манере держаться произошли радикальные перемены. И без того мужчина гвардейского роста, он сделался как бы еще выше и прямее, отпустил и закрутил победно кавалергардские усы, на грудь нацепил внушительную медную бляху с императорскими орлами. Выражения «Честь имею», а также «Изволите ли видеть» поминутно слетают у него с языка. Но еще чаще к месту и не к месту, здороваясь со старыми приятелями и представляясь новым знакомым, он подробно рассказывает о своем благородном, едва ли не

аристократическом происхождении, об избранном круге московского дворянства, к которому отныне принадлежит, о журфиксах, раутах, файв-о-клоках и прочих званных обедах, каковые теперь исправно посещает. О претензиях на утраченные имения и на бывшие привилегии речи еще нет, однако гонор, высмеянный еще сатириконцами в начале века, уже дает о себе знать...

Боже мой, сколько же их внезапно объявилось — потомков аристократических родов, столбовых дворян, морганатических князей и графов по тетиной линии! Не жизнь, а бульварный французский роман: жил-жил законопослушный гражданин, ходил в свое учреждение, платил положенные взносы, а затем в назначенный час открыл окружающим свою высочайшую родословную! Или же свою давнюю тайную склонность к блестящей монархической идее, со всей ее великодержавной мишурой, с камергерами, фрейлинами, министрами двора и с царственной формулировкой «милостиво повелеть соизволил...» Восторженная творческая голова просто кругом идет от этих слов. Сочинители былых произведений — комсомольских романов ударились в великосветскую беллетристику. Драматург, дедушку которого государь-император не выпускал из-за черты оседлости, выступает главным стоятелем за честь императорской фамилии...

Нет, нет, не ищите в этих словах строгого осуждения. Людям трудно без общих, воодушевляющих идей, я пони-

маю. Но больно уж это восторженное воодушевление отдает инфантилизмом, «потешными» забавами, детской игрой в солдатики. Не скажу, что много от них вреда, но ведь мало и пользы. За всеми этими домашними спектаклями из аристократической жизни просматривается обидная, хотя, быть может, и милая незрелость ума и души. Вечная наша российская беда — мифотворчество. Освободившись кое-как от оков одних иллюзий, выползши из-под их тяжких глыб на вольный воздух, не к трезвой истине устремляемся, а к новым легендам, к новым упоительным видениям потерянного рая, проверить достоверность которых решительно невозможно. Но нас она и не занимает. Нам важны антураж, атмосфера, величавые формулы речи, банкеты, тосты.

Казалось бы, мнишь себя потомственным аристократом, так обучись чувству ответственности, или хотя бы хорошим манерам, воспитай в себе пунктуальность и обязательность, старайся мыслить широко и чувствовать благородно. Куда там, насколько проще напалить маску напыщенности и высокомерия. Происходишь, по собственному убеждению, из купцов первой гильдии, так делай дело, блюди честное купеческое слово, а не шлйся в сопровождении длинноногого «эскорта» по новейшим игорным домам и не бей зеркала...

Наша свобода оказалась свободой мифов, сладких снов, заносчивых речей, а не свободой здравого деятельного смысла.

Вырядиться в мохнатые «маньчжурские» папахи, в поддельные семеновские или преображенские мундиры, в мантии не зависящих ни от кого неподкупных высоких судей было не в пример проще, нежели стать действительно разумными, государственно мыслящими независимыми гражданами.

Кто только не носит теперь напоказ литые, внушительные кресты, а кротких, отзывчивых, всепрощающих христиан не так чтобы очень видно.

А новая наша торговля? Разве не выглядит она игрой в изобильный Запад, в «Самаритен», в «Галери Лафайет», в «Блумингдейл» и в «Мейсис», без их приветливости, без корректной их расторопности и улыбок. Товар «от Кардена», а физиономия от Мосторга, полусонная, чванная и ленивая.

Ну и, наконец, незабвенный внеочередной съезд, всю страну доведший до истерики и кликушества. Это парламентские процедуры? А, может, злые забавы, грубые потехи, типа драк по престольным праздникам, с их непременным желанием заехать, врезать, пустить юшку, поставить на своем, себя показать? «Спикер», «запрос», «импичмент» — какие внушительные одежды!

А вчера, в магазине на Арбате я встретил странного покупателя. Фуражка или каскетка неведомой формы была на нем с загадочной кокардой и золочеными позументами, а также самокроенная — не то крылатка, не то мантия с аксельбантами и опереточными эполетами. Ни дать ни взять адмирал из Швамбрании или гоголевский Поприщин, обьявивший себя королем.

Самое поразительное, что никто не обращал на него внимания.

Ан. МАКАРОВ.

Макаров Ан.

3.04.93